ЭЛИЗАБЕТ КОРС

ТКАЧ

Она стояла выше.
Он стоял ниже.
Они знали кто упадет

18+

18+

Элизабет Корс

Ткач

«Автор»
2026

Корс Э.

Ткач / Э. Корс — «Автор», 2026

Десяток лет назад ее родителей убила авария. Тормоза были целы. Кто-то перерезал не шланги — а нити их жизней.Кристина живет над гаражом, где пахнет бензином и чужими тайнами. Днем — студентка на грани отчисления, ночью — гонщица на подпольных трассах, где каждый заезд может стать последним. Она держит мир на жестких границах: любая слабость здесь — прореха в ткани, через которую пролезет смерть. Над гонками висит Джаггер — босс, который не управляет, а плетет: затягивает узлы на чужих жизнях, пока те не задохнутся.Но на пути Кристины встает Федя — обаятельный, наглый, слишком проницательный. Он дергает за нити, которые держат ее на ногах, и она не понимает: он рвет или тянет ближе. А следователь Арина, годами ищущая маленькую копию себя, собирает осколки чужих секретов , не замечая, как сама становится нитью в чужом узоре.Но что, если паутина не опутывает Кристину? И что, если тот, кто пытался ее спасти, не понимал, что спасал не жертву — а Ткача?

© Корс Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена одного поворота 5
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Элизабет Корс
Ткач

Глава 1. Цена одного поворота

«Посвящается тем, кто шьет свою судьбу из лоскутов правды и молчания. Пусть ни одна нить не оборвется на полуслове.»
Элизабет Корс

Фары выхватывают из темноты мокрый асфальт. Дождь прошел час назад, и теперь дорога блестит, как черное стекло, отражая огни города. Крис пригибалась к баку, почти сливаясь с байком. Она всегда становилась его частью. Ветер бил в лицо, срывая крик, который никто не слышит под шлемом.

Сто восемьдесят.

Стрелка спидометра дрожит на отметке, которую нормальные люди видят только во сне. Для Крис это вторник. Осознанный риск.

Она чувствует байк всем телом: вибрацию двигателя через сиденье, дрожь руля в ладонях, холод металла сквозь кожу перчаток. Мотоцикл — не транспорт. Мотоцикл — продолжение ее тела. Она может заложить такой угол, что колено почти касается асфальта, и выйти из поворота, не сбросив скорость. Она знает, как переложить байк в доли секунды, когда видит перед собой препятствие. Она чувствует, когда заднее колесо начинает терять сцепление, и выравнивает за мгновение до того, как это стало бы катастрофой.

Это не талант, а это выученное тело. Годы в гараже, где она собирала и разбирала двигатели, пока сверстницы ходили на свидания. Теперь байк был ее языком, а трасса — единственным местом, где тишина внутри становилась звенящей.

Она заложила мотоцикл и ногу цапнуло. Она вышла из поворота, не думая сбрасывать скорость. Соперник, который пытался зажать ее у отбойника, отставал. Она слышала его мат сквозь шум ветра и оскально улыбнулась.

Зрители видели, как она входила в поворот, и понимали, что эта девчонка либо выиграет, либо разобьется. И, кажется, ей было все равно на риск.

Вдалеке виднелась финишная черта. Самодельная, из красно-белой ленты, натянутой между двумя фонарями. За ней стояла толпа. Двадцать, может, тридцать человек. Гонщики, механики, букмекеры, девушки, которых привели сюда адреналин и парни. Все они — часть Лиги. Все они — часть системы, которая существует в этом городе уже дольше, чем Крис живет на свете.

Крис выравнила байк на прямой и на секунду оторвала левую руку от руля. Два пальца вверх в сторону толпы. Ктото восторженно кивнул ей в ответ. Она не видела: впереди новый поворот, сложнее прежнего. Слепая зона, встречка.

Она входила в поворот на пределе. Покрышка цеплялась за асфальт. Она на грани. Крис встала ровно. Чисто.

И тогда свет бьет ей в лицо — резко, ослепительно. Фары из темноты. Машина на встречке.

Рефлекторно она дергнула руль вправо. Байк визжал, заднее колесо теряло сцепление. Ее тащило к отбойнику, а колено билось о металл — горячая, резкая боль.

Камилла сидела на бетонном блоке, поджав ноги. Наушники на голове, но музыка не играла. Она выключила ее сразу же, когда Крис вошла в поворот. Слишком быстро. Слишком близко к отбойнику.Рядом Аня закусила губу.

— Она же разобьется, — вскрикнула Аня в поддержку толпы. Ее голос задрожал от страха.

Камила подпрыгнула, не отводя глаз.

— Не разобьется, — сказала она наконец. Слишком уверенно для тринадцатилетней.

И Крис выравнилась в последнюю секунду.

Мимо пронеслись соперники. Крис отстала. А машина, чуть не убившая ее, уже исчезла в ночи. Только цвет — темный. Только фары — неестественно яркие. Только крик — высокий, терзающий.

Руки тряслись. Сердце билось в горле. Крис сжимала руль так, что пальцы немели.Это не первый раз.

В памяти всплыла та ночь: слепящий свет, гул, крик, которого она не могла представить точь-в-точь.

Тряхнула головой. Сжала руль. Открыла газ.

Байк рыкнул. Мир сузился до асфальта и красных точек фонарей впереди. Она пошла на обгон. Первый соперник сигналил зло и растерянно, но она не смотрела. Второй пытался зажать в тупике: Крис прошла в миллиметрах, чувствуя, как воздух бьет в лицо.

Третий шел уверенно, дальше остальных. Его байк черного цвета, с серебристыми вставками. Он держал ровную траекторию, как будто водитель знал трассу наизусть. Может, и знал. Может, гонял здесь еще до того, как Крис впервые села на мотоцикл.

Крис видела его напряженную спину. Он не оглядывался. Не проверял, где она. Просто ехал, как будто уже выиграл.

Это бесило больше, чем что-либо.

Она зло рванула вперед. Стрелка спидометра поползла вверх: двести. Двести двадцать. Ветер превратился в стену, которая давила на грудь, на шлем. Крис почти легла на бак.

Она догоняла.

Разрыв сокращался. Крис видела его байк. Видела его знакомую куртку: темную, с красной полосой на рукаве. Видела, как он чуть повернул голову — впервые за все время. Заметил. Это был он. Федя.

И тогда он сделал то, чего она не ожидала.

Он сместился влево прямо перед ней. Перекрыл траекторию.

Крис инстинктивно дернулась вбок. Байк вильнул и сердце пропустило удар. Если бы она не успела — врезалась бы в его заднее колесо. Оба бы улетели с трассы.

Водитель явно не собирался пропускать.

Крис снова попыталась обойти по правой. Федя тут же качнулся, зеркально повторяя ее движение. Слева — он уже там. Как будто между ними натянули невидимую нить, и он чувствовал каждое ее намерение за мгновение до того, как она его осуществляла, с учетом, что они соревновались пару раз.

Крис стиснула зубы. В голове был белый шум. Ярость поднималась откуда-то из живота.

Она не могла его обойти. Он был быстрее, опытнее. Он был хладнокровнее нее.

Но она не собиралась проигрывать.

Толпа у финишной черты загудела.

— Смотри, как он ее держит! — крикнул кто-то из механиков, стоявших у отбойника. — Как котенка за шкирку!

— Да она же его сейчас убьет! — засмеялся другой. — Видишь, как башкой вертит? Психованная.

Букмекеры, стоявшие чуть в стороне с пачками мятых купюр, переглянулись. Один, грузный мужчина в кожаной жилетке, сплюнул под ноги.

— Ставлю на Зыкова. Она не вытянет. Он ее читает.

— Принимаю, — отозвался второй. — Два к одному, что она его все-таки сделает. Злая баба — это сила.

Аня закрыла глаза Камилле, пока руки ледянели. Она почти не дышала. Мотоциклы проносились мимо них: два силуэта, слившихся в один клубок скорости.

— Какой кошмар, — прошептала Аня. — Они же... они же не могут так...

Камилла не ответила. Только убрала руку Ани и сняла наушники. Девочка смотрела на трассу, приоткрыв рот. Ее пальцы сжимали наушники. Камилла видела, как сестра дергается влево-вправо, как пытается найти лазейку, и как Федя снова и снова ее закрывает.

— Он ее не пускает, — тихо сказала Камилла. — Он играет с ней. Это же нечестно!

Аня обернулась:

— Что?

— Да он мог бы уехать давно. Но он не уезжает. Он ждет, пока она разозлиться.

Камилла сглотнула. В ее глазах — недетская злость, смешанная с восхищением. Она знала сестру. Знала, что та сейчас чувствует. Злость. Бессилие. И это самое опасное.

Крис действительно психанула.

Федя оказался прямо перед ней, его заднее колесо вновь крутилось в полуметре от ее переднего.

Это стало последней каплей.

Крис вытянула левую руку на грани падения и, толкнула его в плечо. Ладонь ударилась о кожу куртки. Федя качнулся. Его байк искривился на дороге, но он выдержал нападение. Взял себя в руки так быстро, как будто ждал этого. И тогда он уставился на нее обгоняющую.

Даже сквозь шлем Крис увидела: он улыбается.

Толпа ахнула. Кто-то заорал:

— Она его толкнула! Видели?! Она реально его толкнула!

— Психопатка! — заржал парень в кепке. — Она же его чуть не вынесла!

— Да он сам ее довел! — вступилась девушка с крашеными волосами. — Ты видишь, как он ее блокирует? Это издевательство!

Федя не стал отвечать на толчок. Он сделал то, что делал всегда: остался впереди спустя мгновение. Но теперь он не просто ехал, а замедлился. Ровно настолько, чтобы Крис пришлось сбросить скорость, чтобы не врезаться. Она заорала "урод". Голос утонул в реве двигателей и она была неуверена, что Федя вообще ее услышал.

Аня не могла устоять на месте.

— Крис! Крис, не надо!

Камилла схватила ее за руку.

Смотреть на дорогу было страшно. Там два байка, которые шли почти вплотную. Так близко, что между ними не прошел бы и лист бумаги. Федя не давал ей ни единого шанса. Он вел ее, как танцор ведет партнершу, но вместо музыки был рев моторов и запах жженой резины.

Финишная лента была уже близко.

И Крис сделала последнюю попытку. Она метнулась вправо так отчаянно, вложив в этот рывок все, что кипело внутри. Байк заревел, заднее колесо в дыму.

Она почти поравнялась.

Почти.

Федя посмотрел на нее. Прямо, в глаза, сквозь зеркало. И чуть-чуть, на миллиметр, добавил газу.

Крис осталась позади.

Лента разорвалась. Толпа взорвалась криками. Кто-то кинул в воздух кепку. Букмекер в жилетке с довольным видом протянул руку за деньгами.

— Говорил же. Зыков — это Зыков. Не понимаю, что он забыл на звене ниже.

— Да пошел ты, — огрызнулся второй, но деньги отдал.

Крис проехала еще метров пятьдесят, прежде чем остановилась. Она не стала глушить двигатель сразу. Сидела на байке, всматриваясь в руки. Плечи тяжело поднимались и опускались. Она смотрела прямо перед собой. Не на толпу. Не на Федю.

Камилла прорвалась сквозь толпу и побежала к ней. Аня — следом, спотыкаясь о гравий.

— Крис! — Камилла подбежала первой, запыхавшаяся, с растрепанными светлыми волосами. — Кристин, ты как? Он тебя толкнул? Он тебя задел? Я видела, ты его...

Крис медленно, как будто каждый сустав налился свинцом, заглушила двигатель. Тишина ударила по ушам. Она сняла шлем. Рыжие волосы прилипли ко лбу. Она посмотрела на сестру. Долгим, пустым взглядом. Потом перекинула ногу через байк и встала. Колени чуть подкосились, но она удержалась. И, не говоря ни слова, обняла Камиллу одной рукой — крепко, притянув к себе, уткнувшись подбородком в макушку. Камилла замерла на секунду, потом обхватила ее обеими руками, прижавшись.

— Я в порядке, — сказала Крис. Голос — глухой, как из-под толщи воды. — Я в порядке.

Она не в порядке.

Крис держала сестру дольше, чем собиралась. Внутри все еще кипело... Гонка, проигрыш, Камилла, что пришла сюда через оры. Но здесь, в этом кольце рук, становилось спокойнее. Крис закрыла сапфировые глаза. Вдохнула клубничный аромат Камиллы. Это был единственный запах в мире, который помогал приобрести покой.

— Я не хотела, чтобы ты это видела.

Камилла на полшага отстранилась. Посмотрела на старшую снизу вверх с нахмуренными бровами и поджатыми губами.

— Ты опять? — она передразнила интонацию Крис — точь-в-точь, как та морщилась, когда злилась. — Я не маленькая. И я останусь, даже если ты будешь ругаться.

Крис вздохнула.

— Ты же знаешь, что это не место для тебя.

— А для тебя?

Крис не ответила. Только отвела взгляд на догоняющую Аню, что толкали прохожие с включенными камерами.

— Вот именно, — продолжила девочка. — Ты не хочешь, чтобы я была здесь, но я хочу быть рядом. Потому что ты — моя сестра. И если ты думаешь, что я буду сидеть дома и вязать, пока ты тут шеей рискуешь, — ты ошибаешься.

Крис смотрела на нее долго. Потом уголок рта дрогнул.

— Ты невыносимая.

— Я знаю, — Камилла по-детски улыбнулась, как будто и не было серьезного разговора. — Ты меня такой воспитала.

Через голову сестры, поверх толпы, поверх чужих спин и плеч, Кристина зацепилась взглядом за него. Федя Зыков стоял в центре круга света, как король на приеме. Кто-то уже вручил ему банк. Такой потрепанный конверт, набитый купюрами. Он взял его, повертел в руках, не глядя. Потом поднял голову. И посмотрел прямо на нее.

Их взгляды встретились через головы людей.

Камилла почувствовала, как сестра напряглась. Отстранилась и обернулась, увидев победителя. Ее лицо скривилось.

— Это он на тебя смотрит? — спросила она, не понимая, куда тот смотрит под шлемом. — Вот же неприятный. Он правда думает, что это смешно?

Крис ничего не ответила. Только смотрела, как Федя небрежно сует конверт в карман куртки. Он делал это так, как будто деньги для него ничего не значили. Как будто все это: гонка, толпа, победа — было фоном. А настоящий спектакль он играет только для нее.

Аня подошла с другой стороны. В ее глазах царил восторг, смешанный с испугом. Она все еще тяжело дышала, но не от бега, а от пережитого. Она спрятала руки в рукава кофты.

— Крис, ты была... ты была невероятная, — голос срывался. — Я думала, ты его обгонишь на последнем... Я думала, ты...

Она осеклась и посмотрела на трассу. На темную ленту асфальта, которая уходила в темноту. Там, где несколько минут назад Крис могла упасть.

Аня сглотнула. Ее передернуло.

— Я думала, ты разобьешься. Когда ты толкнула его... Я думала, вы оба...

Она не договорила. Просто стояла, обхватив себя руками, и смотрела на дорогу так, как будто та все еще могла ее укусить.

Крис мельком глянула на нее.

— Я же не разбилась.

— Я знаю. Просто... — Аня мотнула головой. — Я не понимаю, как вы это делаете. Как ты это делаешь. Я бы никогда... Я бы даже не села на мотоцикл. Никогда. Я боюсь их. Всегда боялась. Даже когда ты заводишь двигатель, у меня внутри все сжимается. А тут... Это же смерть на колесах. Носитесь, как ненормальные, с ней наперегонки.

Камилла подняла пальчик вверх, посмотрев на подругу Кристины.

— Как говорит сама Криситина — она не носится, а контролирует.

Аня растерянно посмотрела на нее, как будто не поняла.

— Контролирует что?

— Все. Она... — Камилла запнулась, подбирая слово. — Она разговаривает с ним. С мотоциклом. Как с живым. Я видела. Когда она думает, что никто не смотрит.

Крис бросила на сестру быстрый взгляд, смутившись.

— А ну-ка, не выдумывай. Я же говорила, что врать — не хорошо. Вот слышала бы тебя мама...

— Я не выдумываю, — Камилла скрестила руки. — Ты ему что-то шепчешь. Я видела.

Аня перевела взгляд с Камиллы на Кристину с искренним смешком. Ее лицо оставалось бледным. Она явно не понимала, как можно любить то, что пугает. Как можно доверять машине, которая в любой момент может сломаться.

Крис вздохнула. Сняла перчатку, провела рукой по длинным волосам.

— Ань.

Та вздрогнула.

— Что?

— Ты же все равно пришла.

Аня замолчала. Посмотрела на нее, как на родную. В ее глазах что-то теплое и робкое. Она не ответила. Только едва заметно кивнула. И Крис впервые за вечер расслабилась, прижав к себе теперь сжатую подругу.

— Спасибо, — сказала она мягко, глядя в небо.

Аня улыбнулась. Неуверенно. Уголками губ.

— Я всегда приду. Даже если буду умирать от страха. Ты же знаешь. К тому же для тебя это важно.

Камилла попыталась залезть на байк, пока сестра не видела.

— Она знает, но не говорит.

Крис тут же оглянулась, хватая младшую за ворот худи.

— Камилла, слушай, тебя тут вовсе не должно было быть.

— Ну что? Ты никогда ничего не говоришь. Только ворчишь и чинишь свои железяки. И иногда дерешься.

— Я не дерусь.

— Ага. А тот парень в прошлом месяце сам себе разбил нос?

— Он первый начал.

— Он спросил, как тебя зовут.

Крис закатила глаза. Аня прыснула, прикрыв рот ладонью. Камилла победно заулыбнулась.

И в этот момент, короткий и хрупкий, как первый лед, что-то в груди Крис отпустило. На секунду. На полсекунды. Она стояла между сестрой и подругой, обе — рядом, обе — живые, обе — смотрят на нее, и мир закрутился вокруг пятачка света под фонарем.

Федя тем временем отделился от толпы. Он пошел прямо к ним, за территорию вручения приза. Люди расступались. Кто-то похлопывал по плечу, кто-то что-то говорил, но он не отвечал. И он не задумывался, что Кристина может убежать или не захотеть с ним говорить. Он пробирался к девушкам и выглядел так, будто вся Вселенная принадлежала ему по праву рождения. Вел за собой линию из людей, которым успел покорить сердце: парни кивали ему, девушки провожали взглядами. И он не оглядывался назад, потому что чувствовал, что смотрят.

Остановился в двух шагах.

И снял шлем.

Темные вьющиеся волосы, влажные от пота, лежали идеально, будто он только что сошел с обложки, а не с трассы на скорости двести. Они падали на лоб, вились у висков, но он их не поправлял.

Лицо худое, смуглое, с острыми скулами. Темные глубоко посаженные глаза с хитринкой, прямой нос с горбинкой, полные чуть припухшие губы. На левой щеке была маленькая родинка, на правом ухе свисала серьгакольцо.

Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на них, на всех трех, с ленивой лыбой. Та не смахивала на наглую. Она транслировала, что в этой сцене он — главный герой, а все остальные — массовка.

Аня замерла.

Она смотрела на него и не могла отвести глаз. Он был красив. Неправильно красив. Не как парни с обложек журналов, которые она видела в киосках. Он был живым. Настоящим. От него пахло бензином и чем-то еще... Мужским, от чего у нее пересохло во рту. Ее щеки залились краской. Она опустила глаза и тут же подняла их, ведь иначе не могла.

Федя заметил. Улыбнулся шире. И перевел взгляд на Крис.

— Ну что? Нравится быть второй, Рыжая?

Крис сначала засомневалась, что его слова были адресованы ей. Она не могла понять, кто в их компании "Рыжая", но затем, периферийным взглядом, заметила свои локоны волос.

Крис скрестила руки на груди, когда вышла вперед.

— Нет.

— Я так и думал, — он вытащил из кармана конверт и повертел в пальцах. — Тогда, может, объяснишь, почему ты толкаешься на дороге, как в очереди за хлебом? Это было… некрасиво.

— Некрасиво — это когда ты блокируешь соперника, потому что не уверен, что обгонишь честно.

Федя хмыкнул. Приложил наигранно руку к груди.

— Обиделась. Надо же. Я думал, ты крепче.

— Я не обиделась. Я тебя раскусила.

— Раскусила? — он наклонил голову, и в глазах мелькнуло что-то быстрое, как искра. — И что же ты там увидела? Поделись.

Крис заткнулась. Холодно смотрела на него, прожжигая взглядом.

— Может, все-таки возьмешь? — Федя протянул руку, в которой держал конверт с призом. — Твой выигрыш. Ну, почти. Я забрал первое место. Но деньги — твои.

— Я не брала.

— Знаю. Поэтому отдаю. Ты проиграла, но была лучше всех, кого я здесь видел. Это чего-то да стоит.

Крис смотрела на конверт. В ее глазах не было благодарности.

Она знала, что там. Толстая пачка. Мятые купюры, пропитанные запахом рук и табаком. Этого хватило бы на месяц. На два. На оплату квартиры, на школьные учебники Камиллы — те, что она давно должна была купить, но все откладывала. На еду, нормальную, а не на лапшу быстрого приготовления, которой они питались последние две недели. На все, что Крис не могла себе позволить, но в чем так отчаянно нуждалась.

Она могла бы забрать конверт и уйти. Это было бы разумно. Но она не могла.

Потому что если она возьмет — она возьмет у него. У Феди. У парня, который только что унизил ее на дороге, который смотрел на нее, как на что-то мелкое и незначительное. И теперь он протягивал ей подачку. Милостыню. Как будто она нищенка, которая будет благодарна за любую монету.

Деньги были всем. Крис знала это. Она считала каждую копейку, торговалась с поставщиками запчастей до хрипоты, брала ночные смены на подработках, чтобы закрыть счета. Ради денег она готова была на многое. Но не на это. Не на то, чтобы стоять и принимать подачки.

Она встретилась с ним глазами. И сказала тихо, ровно, так, чтобы он понял: это не гордость. Это броня.

— Мне не нужны твои подачки.

Крис отвернулась всем корпусом, так, что рыжие волосы хлестнули по плечу, и сделала шаг к байку, давая понять, что разговор окончен.

За ее спиной Федя на секунду замер, и улыбка сползла с его лица, как вода с обрыва, обнажая наглеца.

Крис бросила взгляд через плечо — и он тут же вернул улыбку на место.

Камилла переводила взгляд с сестры на Федю и обратно. Затем не выдержала.

— Вы как два петуха.

Федя тут же обратил на ту внимание. Сделал вид, будто только что заметил.

— А ты кто? Сестричка ее?

Камилла прищурилась.

— Откуда знаешь?

— Догадался, — он подмигнул. — Ты похожа на нее. Только злее.

Аня все еще стояла в стороне. Щеки — пунцовые. Она смотрела на Федю, и в ее глазах было что-то, чего Крис не хотела замечать. Восхищение. Чистое, наивное. Как у человека, который впервые видит что-то по-настоящему опасное и не понимает, что это опасно.

Федя заметил и это. Пульнул глазами на Аню и задрал подбородок.

— Дай угадаю... А ты их подружайка, — голос его стал ниже, смахивающим на интимный. — Кажется, я видел, как ты за нее болела.

Аня открыла рот и смущенно кивнула, поправив прядь волос.

— Я… да. Я болела. За нее.

— Хорошо болела, — Федя убрал конверт, параллельно обращаясь к Ане. — Мне понравилось.

Та вспыхнула, а Крис стиснула зубы.

— Хватит, — сказала она резко. — Ты что-то еще хотел?

Федя напряг челюсть, выставляя на показ желваки.

— Хотел. Хотел сказать: ты хорошо гоняешь. Для девчонки с улицы — очень даже.

— Для девчонки с улицы?

— Ну, не для Трассы. Там другие скорости. Другие правила. — он пожал плечами. — Может, когда-нибудь увидишь.

Девушка знала, что он имеет в виду. Знала лучше, чем хотела бы. Лига делилась на три уровня — и каждый был отдельным миром, со своими законами, ставками и ценой за ошибку.

Первый — ночные заезды. Улица на окраинах, случайные зрители. Здесь гоняла она. Ставки небольшие, скорости — до двухсот, риски — разбиться или отдать байк за долги. Уличные гонки были детским садом по сравнению с тем, что ждало дальше.

Второй — Трасса. Заброшенная дорога за городом: обрывы, туннели, мертвые повороты. Там не соревновались, а выживали. Скорости за двести пятьдесят, ставки от нескольких тысяч до квартир и машин. Гонщики — отморозки, готовые убивать. Иногда — буквально. Там и гонял Федя. Пару раз Кристина замечала его на своей территории, но никогда не придавала тому значение.

И был третий... Третий, о котором она боялась вспоминать.

Между Кристиной и Федей была пропасть. И он только что напомнил ей об этом. Как факт.

Крис стало неприятно.

— Может, — сказала она ровно. — А может, ты боишься, что я тебя обгоню. И на Трассе тоже.

Федя замер. Секунду. Две. Потом рассмеялся. И в этом смехе было что-то, от чего у Крис по спине пробежал холодок.

— Может, и боюсь. Посмотрим.

Он хотел сказать что-то еще. Она видела это по тому, как дернулся уголок его рта. Но не сказал. Взгляд Феди скользнул в сторону, за плечо Крис. Туда, где за ограждением, в тени деревьев, стояла черная машина. Без света и движения, когда в салоне нет водителя. Она была пятном в темноте, которое Крис не заметила бы, если бы Федя не посмотрел.

Улыбка парня исчезла. Не сползла, не потухла, а именно исчезла, как будто ее выключили. Лицо стало другим: жестким, собранным. Он озадаченно посмотрел на Крис, что-то мысленно решая. Потом отступил на шаг.

— Ладно, девочки. Что-то я с вами засиделся.

Он развернулся и пошел к байку. На полпути обернулся, вскинув руку, и попрощался. Кто-то из толпы махнул ему в ответ. Кто-то крикнул: "Зыков, до следующей!". Он не ответил.

Сел на байк. Завел. Отъехал не спеша, никуда не торопясь. Но Крис заметила: он не поехал в сторону города. Напротив, свернул в переулок, за угол, где темнота была плотнее, а фонарей не было вовсе. Туда, где его не было видно. Туда, где машина с тенью деревьев осталась позади, но не исчезла.

Федя остановился и заглушил двигатель. Прислушался. Тихо. Только где-то позади гудели моторы, да ветер шуршал в листве. Он достал телефон и нервно набрал номер, стуча пяткой по бетону.

Гудок. Второй. Третий.

На том конце послышался хрип. Голос низкий, с одышкой. Голос человека, который много курил и мало спал.

— Он меня видел. Тот самый. От Джаггера.

Пауза. Долгая.

— Будь осторожен. И… извини, что не смог посмотреть на тебя. Сегодня.

Федя зажмурил глаза с тяжелым выдохом. На секунду. Всего на секунду, но в ней было все: злость, которая схожа на боль и, тяжелая ноша.

— Я всегда осторожен, — сказал он. — Отдыхай. Ты и так натерпелся.

И сбросил.

В тишине он простоял так долго. То и дело, что сидел, глядя на звезды. Спустя несколько минут он убрал телефон. И в этот момент из-за угла вынырнул молодой парень с сигаретой в зубах. Один из тех, кто крутился на гонках. Он подошел к Феде, хлопнув по плечу.

— Федька! Ты чего тут застрял, братан? Поехали, народ собирается у Кости. Отметим твою победу.

Второй поднял голову. Он не был готов к разговорам.

— Вот надо же было тебе подойти именно сейчас, — ответил Федя. — Соррян. У меня дела...

Парень пожал плечами, мол, дело твое, и, не собирался уходить. Наоборот, придвинулся, облокотился на байк и выдохнул дым в сторону.

А у ограждения, в стороне от толпы, Кристина наблюдала. Она не понимала, что видит. Федя, хоть и далеко, но было заметно, что поник. Ее соперник, который мгновение назад строил из себя диву, шутил и подмигивал, — сейчас сидел неподвижно, как будто из него вынули батарейку. С такого расстояния она видела: плечи опущены, голова чуть склонена. Он не позировал. Не играл. Он просто... был.

— Крис, — позвала Аня подругу. — Он... он тебе деньги предлагал. Просто так. Может, он не такой...

— Он такой, — перебила Крис. — Он хуже, как минимум потому, что заезды для него так... Развлечение.

Камилла задумчиво посмотрела себе под ноги, вслушиваясь в разговор старших.

— Да он позер, — она засунула руки в карманы куртки, которая была ей велика. Эта куртка пренадлежала Крис. Она отдала ее ей, потому что вечно мерзла.

Кристина позабавилась и сразу же подтвердила мнение сестры, которая умудрилась запомнить обзывательство еще во время разбирательств в школе.

— И знаете, что самое главное? — спросила Крис.

— Что? — поинтерсовалась первой Камилла.

— Что он рано или поздно сдохнет от своих забав. Или сядет. Такие, как он, долго не живут. Они думают, что они бессмертные. А потом... — она щелкнула пальцами. — Конец.

Камилла не дала той продолжить.

— Я поняла. С такими не связываться.

— Правильно, — Крис потрепала Камиллу по косичкам. — Ты у меня умная.

Аня слушала и не слышала. Слова девочек проплывали мимо, как вагоны товарного поезда: "позер", "сдохнет", "не связываться". Правильные и умные слова. Слова, в которых не было бы ни единой ошибки.

Но она не могла с ними согласиться.

Она видела Федю другим. Не таким, каким его видела Кристина. Не таким, каким его видела Камилла. Она видела парня, который улыбнулся именно ей и сказал: "Хорошо болела. Мне понравилось". Она видела глаза, в которых мелькнуло что-то настоящее. А потом пропало, когда задергивают штору.

Может, ей показалось. Может, она придумала. Может, это была та же маска, о которой говорила Крис. Но она никогда не чувствовала, что может быть приятной парню. И теперь, когда она встретила Федю, Аня не могла заставить себя поверить в обратное. Потому что внутри нее, где-то глубоко, где жили мечты и надежды, что-то отзывалось на его взгляд. Что-то, что она давно похоронила.

Она смотрела туда, куда отъехал Федя. Туда, где он сидел сейчас, наверняка, один, с опущенными плечами и без маски. Как будто ждал. Как будто ему было нужно, чтобы кто-то подошел. И почему бы ей это не сделать?

Аня хотела подойти. Очень хотела. Но не могла. Не потому что боялась его. А потому что боялась себя. Того, что скажет. Того, что почувствует. Того, что уже чувствовала и что пугало ее больше, чем мотоциклы, чем все, чего она боялась в этой жизни.

Она перевела взгляд на Крис. Та разговаривала с сетрой уже собираясь уезжать. Но Аня смотрела на подругу слишком долго, из-за чего Кристина почувствовала на себе тяжелый взгляд.

— Что?

Аня опомнилась.

— Ничего.

— Ты смотришь.

— Я просто... — Аня запнулась. Потом глубоко вдохнула, как перед прыжком в холодную воду. — Можно тебя на минуту?

Та нахмурилась, но кивнула. Отвела ее в сторону, подальше от сестренки. Та осталась стоять, смотря им вслед с любопытством.

— Что-то случилось?

Аня посмотрела на свои руки. На пальцы, которые теребили край кофты. На обгрызанные ногти. Она не знала, как сказать. Не знала, с чего начать.

— Я... — начала она, но остановилась. С трудом выдавила: — Ты только не злись, ладно?

Крис напряглась.

— Ань, говори.

— Мне... — Аня подняла глаза, в которых затаилась мольба. — Мне он понравился...

Тишина. Долгая. Крис смотрела на нее, и в ее взгляде было столько всего, что Аня не могла разобрать. Недоумение. Забава.

Из Крис вырвался смешок, который кричал о том, что она сомневается в правдивости слов.

— Вот прям именно он? — спросила Крис, когда убедилась, что Аня говорит на полном серьезе. Голос вроде ровный, но под ним явно что-то кипело. — Ты же его не знаешь. Ты видела его один раз. Он даже тебя не заметил...

— Заметил, — перебила Аня. — Он сказал, что я ему понравилась. Он...

— Он улыбнулся тебе, потому что ты была там. Симпатичная девчонка в толпе. Он таких улыбок раздает десятками, я уверена. Хотя, по нему и так это видно.

Крис не могла найти подходящих слов, потому часто оставляла за собой паузы.

— Ань, послушай меня. Он мутный. Когда ему надоест — он выбросит тебя. Очнись.

— Ты не знаешь.

— Я знаю. Я видела таких, как он. Я выросла среди таких, как он.

Аня боялась отвечать. Смотрела на Крис и в ее глазах не было согласия. Была решимость. Может, и тихая, но твердая.

— Я хочу попробовать, — сказала она. — Я не прошу тебя одобрять. Я прошу помочь. Ты можешь... ты можешь узнать у него? Ну, как он ко мне относится? Что он думает? Я не могу просто так подойти. Я не умею. Но если бы ты...

Крис задрала брови. Она считала до десяти и пришла в себя.

— Может, мне тебе еще и свидание с ним устроить?

— Да.

Крис замерла. Она даже не моргала. После последовал громкий вздох.

— Ты вообще себя слышишь? Ты просишь меня пойти к человеку, которого я едва знаю, и узнать, что он думает о тебе. Это не помощь. Это... цирк.

— Я знаю, — Аня сглотнула. — Но я не могу иначе. Ты — одна, кто может помочь мне в любых вопросах... Ну, хочешь, я буду всю неделю тебе с домашкой помогать?

Крис усмехнулась, касаясь лба кончиками пальцев. Следом зачесала челку назад.

— Ты? Мне? С домашкой?

— Да. Я могу. У меня по гуманитарным все хорошо. Я рефераты пишу быстро. И конспекты. Ты же знаешь, я...

— Ань, мы на разных факультетах. Ты на филологическом. Я на инженерном. Это бесполезно.

Аня сгорбилась.

— Ну... я могу что-то другое. Что угодно. Я просто... — она запнулась. — Мне правда нужно. Пожалуйста.

Крис буквально пялилась на нее. Долго. Внутри все металось от непредсказуемости подруги. От того, что Аня не понимала, о чем просит. Не понимала, что Крис придется подойти к Феде. К тому самому Феде, который только что унизил ее. К тому, кто смотрел на нее, как на забавную зверушку.

Но Аня смотрела на нее своими огромными оленьими глазами. И Крис знала: если она откажет, та не отступит. Будет страдать и плакать. Будет думать о нем, мечтать, как об одном парнишке со школы. А потом все равно найдет способ подойти — сама. Без Крис и без защиты.

И тогда будет хуже.

— Ладно... Я сделаю это.

Аня вскинула голову.

— Правда?

— Правда, — Крис шагнула к ней. Близко. Так, чтобы Аня не отвела от нее ни глаза. Ткнула ей в грудь пальцем. — Но слушай меня внимательно. Если окажется, что он мудак, а он мудак... Это будет на твоей совести. Ты меня поняла? Твоей. Не на моей. Потому что ты пошла на это с открытыми глазами.

Крис сказала это твердо, но внутри все бушевало. Она уже знала, что так и будет, и что именно это знание однажды ее погубит.

Аня же кивнула. Быстро-быстро.

— Да. Да, я поняла. Я все поняла.

— Хорошо. Тогда дело в шляпе.

Крис шагнула назад, разрывая этот напряженный контакт с Аней, и на секунду прикрыла глаза — будто хотела стряхнуть с себя всю эту неловкость, всю тяжесть чужой просьбы. Потом резко выдохнула и повернулась к Камилле. Та все еще стояла там, где ее оставили, засунув руки в слишком большую куртку, и смотрела куда-то в сторону, будто пыталась сделать вид, что не подслушивала. Но по тому, как она сжимала край рукава, было ясно: она слышала каждое слово.

Крис подошла и молча притянула сестру к себе, крепко обняв за плечи. Камилла на миг замерла, а потом уткнулась ей в бок, как делала в детстве, когда боялась грозы.

— Ох, ты уже дрожишь, — тихо сказала Крис, чувствуя, как мелкая дрожь передается сквозь ткань. — Я сто раз тебе говорила, одеваться теплее, если идешь со мной.

Камилла не подняла голову, и это пробило старшую на усмешку. Она присела на корточки и попыталась заглянуть в опущенные глаза сестры.

Эта территория жила по другим законам: здесь улыбки были слишком широкими, а взгляды — через чур тяжелыми. Здесь каждый второй носил с собой не просто историю, а груз, который тянул ко дну.

И от этой мысли Кристина отдалилась. Она отстранилась, но руки с плеч Камиллы не осмелилась убрать.

— Слушай, тут сейчас будет… немного суеты. Аня попросила коечто сделать. Мне надо отойти ненадолго. Но ты никуда не уходи, ладно? Стой прямо тут. Если кто подойдет — сразу ко мне. Или к охраннику у ворот с Аней.

Камилла подняла голову, в глазах мелькнуло упрямое.

— Я не хочу стоять столбом.

Крис хотела было снова сказать "нет", привычно оттолкнуть заботу, как одеяло в жаркий день. Но остановилась. Спорить не хотелось.

— Ладно, — сказала она мягче, чем обычно. — Тогда держись рядом. Не уходи в толпу. Обещаешь?

Камилла кивнула, уже вся собранная — не тринадцатилетняя девчонка, а маленький, но надежный союзник.

— Договорились.

Крис сжала ее плечо, потом повернулась к Ане. Та металась взглядом, пытаясь выглядеть так, будто она не виновата в том, что перевернула весь вечер.

Когда Кристина бросила взгляд в сторону, подруга облегченно кивнула. Но ей становилось стыднее все с каждой новой секундой. Она радовалась, что ктото готов взять удар на себя. И в какой-то момент, когда та уже разворачивалась, Ане захотелось возразить. Но увидев в лице той ту самую жесткую линию, которая появлялась, когда спорить было бесполезно, она только прикусила язык. Встала поодаль ее сестры и осталась ждать, провожая Крис взглядом.

Крис шла вдоль ограждения, и каждый шаг давался чуть тяжелее обычного изза неловкой тишины вокруг. Толпа расступалась перед ней, как и всегда, но сегодня в этом не было привычного уважения. Сегодня это было похоже на осторожное отступление: люди будто боялись задеть ее плечом или встретиться взглядом. Ктото шептал чтото вслед, ктото кивал, но слишком быстро отводил глаза.

А Крис держала лицо. Спина прямая, взгляд вперед, будто она идет по знакомому маршруту и этот вечер ничем не отличается от других. Но нервишки шалили.

Потому что она не умела проигрывать. Ни в чем, а уж тем более здесь, на Ночных заездах, где ее имя было почти легендой.

Для этой толпы она всегда была той, кто не оставляет шансов. Той, кто заходит на трек и стирает соперников с асфальта одним присутствием. Она выигрывала так часто, что само слово "проигрыш" в ее адрес звучало почти как шутка или оскорбление. Никто не мог всерьез подумать, что она способна не дотянуть до финиша, не вырваться вперед, не оставить всех позади. Даже если трасса была скользкой, даже если байк капризничал, даже если нервы натягивались до предела — она все равно выжимала из себя и из мотоцикла еще немного, еще один процент, чтобы оказаться первой.

И теперь негласная договоренность между ней и этой улицей была нарушена. Она отстала. И хуже всего было не то, что ее обогнали, а то, как это увидели все: не как случайность, не как неудачу, а как трещину в броне.

Крис удерживала эти взгляды, скользящие по ее спине, и знала: завтра пойдет шепот.

Она не умела проигрывать еще и потому, что проигрыш для нее всегда был не про трассу. Он был про контроль. Про то, что если она не может удержать скорость — значит, она не может удержать и все остальное. Свою жизнь, границы и свою защиту вокруг Камиллы.

Поэтому сейчас, шагая к переулку, она делала вид, что ей все равно.

Но внутри все кричало. Ей хотелось развернуться, снова сесть на байк, вылететь на трек и доказать всем, и себе в первую очередь, что она все еще та самая Крис, которую никто не может победить.

Федя был там же. В переулке, в тени, где она видела его в последний раз. Рядом с ним стоял парень, который без остановки смеялся. Федя слушал, или делал вид, что слушает. Он кивал время от времени, как будто мысли его были где-то далеко.

Крис остановилась в нескольких шагах. Не подошла ближе. Ждала, пока он заметит.

Но заметил не он. Тот парень.

— О, — сказал он, толкнув Федю локтем. — Смотри-ка. Эта пришла. Тебя, что ли?

Федя заторможенно поднял голову и устремил взгляд на подошедшую. Крис успела поймать целую цепочку эмоций: сначала пустое непонимание, потом узнавание, за ним то ли настороженность, то ли удивление. Он только вспомнил, что у него есть силы на разговоры, и понял, что их почти не осталось.

— Какие люди, — протянул он. — Видимо гадалка правильно нагадала. Сегодня привлекаю красивых дам. Неужели деньги передумала не брать?

— Нет, — отрезала Крис. Слово ударилось о воздух, как камень о воду. Пришлось чуть сбавить обороты, чтобы не выдать, насколько ей сейчас не по себе.

— Тогда что? Соскучилась?

Второй парень потушил сигарету и заржал, запрокинув голову. Крис даже не выдала эмоций. Вместо этого она нехотя перевела взгляд на него. Не агрессивно, а так, будто он был чемто вроде фона, который внезапно стал шумным. Ее глаза были умиротворенными, но в них читалось: "Ты здесь лишний".

Тот вдруг перестал смеяться. Смех оборвался и он почесал затылок. Парень, схожий на русоволосого, покосился на Федю, ища поддержки. Но тот не смотрел на него. Он не отвлекался от Крис, пытаясь угадать, что сейчас произойдет.

— Нам нужно поговорить, — сказала Кристина, глядя прямо на Федю. — Наедине.

В этот момент она наклонила голову в сторону лишнего. Совсем немного, но достаточно, чтобы тот понял: это не просьба, а указание. И в этом наклоне головы было столько привычной властности, что паренек, несмотря на свою развязность, стал выглядеть почти мальчишкой.

Федя поднял бровь.

— О-о-о, — протянул он, поднимая руки в примирительном жесте. — Ну, я, пожалуй, пойду, — он хлопнул Федю по плечу. — Найдешь меня у Кости, если что.

Федя не ответил. Русый ушел совсем нехотя, оглядываясь, но ушел. Шаги стихли. Остались только они двое и тишина, плотная, как вода.

Федя не двинулся. Не предложил сесть или устроиться рядом. Он ждал начала. Но теперь в его взгляде не было ни бравады, ни попыток казаться кемто другим. Только вопрос: "Что тебе нужно?"

Крис сжала и разжала пальцы, прогоняя дрожь. Она не хотела, чтобы он видел, как ей тяжело. Но и притворяться, что ей все равно, тоже не могла.

— Это не про меня. Это про Аню.

Федя моргнул. Будто это имя сдвинуло чтото внутри него. Напряжение в шее ослабло. Он откинулся назад, опершись руками на сиденье байка. Посмотрел на нее с интересом, как будто она была задачей, которую нужно решить.

— И что она хочет?

Он хотел было чтото сказать, но не успел. Из темноты переулка донесся развязный свист и тут же стих. Крис догадывалась, что это тот парень, который не ушел далеко, а прислонился к стене в паре десятков метров, делая вид, что разглядывает чтото в телефоне. Поднималась волна раздражения — не на того придурка даже, а на всю ситуацию, где ей приходится просить, где она выглядит не той, кто диктует условия, а той, кто их вымаливает.

И эта мысль обожгла.

Федя нарочно хотел переспросить: "Что?". Но Крис не дала ему шанса.

Она шагнула вперед, сократив дистанцию ровно настолько, чтобы голос не улетел в темноту, но чтобы он прочувствовал на своей шкуре, что она не собирается играть в вежливость. Воздух между ними стал гуще, будто в переулке вдруг стало на несколько градусов жарче.

— Слушай, — начала она жестко, отсекая любые шутки заранее. — У меня к тебе деловое предложение. Моя подруга хочет с тобой встретиться. Одно свидание. Только веди себя прилично.

Сначала Федя замялся и к Крис стала подкрадываться гордыня, но тот тут же разрушил блаженство. На холеном лице всплыло выражение, которое Крис терпеть не могла. На его лбу так и было написано: "Ну конечно, ты пришла просить". И в его расходящейся ухмылке было столько мужской самоуверенности, столько "я тут главный", что у Крис взвывало.

Но в этот раз за раздражением скользнуло еще коечто. Более неуместное, как случайная искра: а что будет, если он не станет отступать? Если пойдет на ее жесткость и… перешагнет ее? Что она почувствует?

— А если я хочу встретиться с тобой? — сказал он с небрежной интонацией, от которой у нее зубы сводило. Но теперь в ней было не только нахальство, но и проверка. Он смотрел на нее так, будто хотел увидеть: сломается? Вспыхнет? Отступит?

Крис не стала думать, что сказать. Не стала делать вид, что не поняла намек. Она закачала головой, выдавливая смех, мол, ему влетит. От задержки реакции, коснулась кончиком языка до края зуба. А затем, не думая ни о чем, подняла средний палец. Без размаха, но так, чтобы он точно увидел. И тут же опустила руку, будто это был не жест, а движение, которое случайно совпало с чемто важным.

— За пошлость, — сухо ответила она. — И чтобы не питал иллюзий. Ты не в моем вкусе.

Федя опешил, а потом… неожиданно рассмеялся. Не громко, не издевательски, а так, будто его это даже позабавило. Он качнул головой, будто признавая поражение в маленькой стычке, но от него отдавалось и уважение к ее прямоте.

— Да ну, врешь же, — пытался переубедить ее, Федя, но без напора, скорее как факт, который его ничуть не задевает. — Но ладно. Своди меня с ней. Посмотрим, что ты готова на меня поставить.

Крис прищурилась. Ей не понравился оборот. Он звучал как ставка в игре, где на кону не свидание, а чтото большее. И ей очень хотелось сказать: "Ничего. Ты просто сделаешь это, потому что я прошу". Но она подозревала, что с Федей так не работает. С ним нужно было играть по его правилам, чтобы выиграть по своим.

— Ставки не нужны. Просто скажи, согласен или нет.

— Согласен, — ответил он неожиданно легко, когда дождался, что она перестанет обороняться. — Но с одним условием.

Крис напряглась. Она ненавидела условия. Особенно когда их ставили ей.

— Каким?

— Ты пойдешь с нами. Хотя бы на полчаса. Посидишь рядом, за другим столиком. Чтобы Аня не чувствовала себя так, будто ее бросили в клетку к тигру.

Крис открыла рот, чтобы отказаться. Прямо сейчас. Резко и окончательно. Но потом вспомнила подругу: ее мольбу, загнанность, ее готовность предложить помощь с домашкой, лишь бы ктото просто поговорил с Федей. И поняла: если она сейчас скажет "нет", Аня пойдет одна. А Крис не могла этого допустить.

— Полчаса, — процедила она, будто каждое слово царапало горло. — Не больше.

Федя кивнул. Он увидел ту самую Крис, которую искал: не легенду Ночных заездов, не холодную девчонку, которая все контролирует, а человека, который готов поступиться гордостью ради тех, кто ему дорог.

— Лады. Когда?

Крис закатила глаза. Ей хотелось, чтобы этот разговор уже закончился. Чтобы она могла вернуться к Камилле и сказать, что пора возвращаться домой, потому что завтра школа. Но она знала сама по себе: пока она не закроет эту сделку, она не сможет дышать спокойно.

— Завтра, — ответила она. — В ресторане "Савва", в шесть. Тебе же придется платить за счет. Там тихо, и людей маловато. Не у каждого же найдется такая сумма за ужин.

— В шесть, — повторил Федя, проверяя, звучит ли это как обещание. — Так и быть, буду на месте.

Он проигнорировал вопрос денег, смахнув волосы рукой, чтобы надеть шлем.

Крис кивнула и тут же развернулась, чтобы уйти, но остановилась.

— И еще, — сказала она, не оборачиваясь. — Если ты ее обидишь… Просто знай: я найду способ, чтобы ты пожалел.

Федя не стал отшучиваться. Не стал делать вид, что ее слова его не задевают. Он кивнул уже в шлеме, зная, что она этого не видит и, завел мотор мотоцикла.

Крис, услышав звук ключа, пошла прочь обратно к свету. Она шла значительно легче, ведь она сбросила часть тяжести. Не всю. Но достаточно, чтобы снова почувствовать себя собой.

Но стоило ей отойти на десяток шагов, как она невольно замедлилась. Не потому что хотела обернуться. Она запретила себе это делать. Но тело будто само помнило, как близко он стоял, как в его голосе звучала та дразнящая нота, за которую хотелось вмазать. От этого становилось не по себе. Лучше бы не щелкало. Но она обязана Ане за прошлое. А это главнее...

А Федя не тронулся сразу. Он не шевелился, пока ее силуэт не растворился в свете фонарей. Только тогда он выдохнул, будто до этого момента не дышал вовсе. Протянул руку и провел ладонью по рулю — не для дела, а чтобы почувствовать чтото привычное. Чтото, что не смотрит на него с вызовом и не заставляет его хотеть одновременно смеяться и быть лучше, чем он есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.